

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА

МАРКЕС

*ПОЛКОВНИКУ
НИКТО НЕ ПИШЕТ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Габриэль Гарсиа Маркес

Полковнику никто не пишет

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63919111

Полковнику никто не пишет: Издательство АСТ; М.; 2017

ISBN 978-5-17-101402-5

Аннотация

Габриэль Гарсиа Маркес – величайший писатель XX века, лауреат Нобелевской премии, автор всемирно известных романов «Сто лет одиночества», «Любовь во время чумы» и «Осень патриарха».

Прежде чем опубликовать эту повесть, Габриэль Гарсиа Маркес переписывал ее не меньше десяти раз, но результат того стоил: по емкости и силе она не имеет себе равных во всей латиноамериканской прозе.

В одной из стран Латинской Америки в очередной раз сменилась власть, очередные столичные коррупционеры в который раз наживают состояния – а в маленьком провинциальном городке герой давно минувшей гражданской войны, престарелый полковник в отставке, влачит полунищенское существование...

Простая история о стойкости и чести в мире всеобщего равнодушия и произвола.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Габриэль Гарсиа Маркес

Полковнику

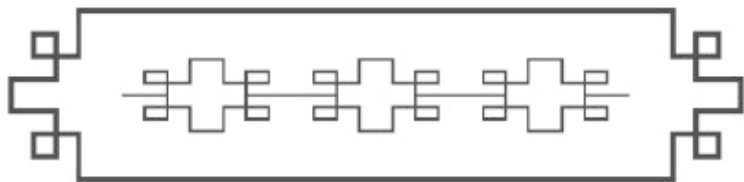
НИКТО НЕ ПИШЕТ

Gabriel García Márquez

EL CORONEL NO TIENE QUIEN LE ESCRIBA

© Gabriel García Márquez, 1961

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Полковник открыл крышку и обнаружил, что кофе в банке осталось от силы на одну маленькую ложечку. Он снял с огня чугунок, выплеснул половину воды на земляной пол и старательно соскоблил ножом со стенок банки последние крупинки кофе вперемешку со ржавчиной.

В ожидании, пока закипит вода, полковник присел возле глиняной печки и, доверившись своим ощущениям, с наивным, почти детским выражением лица стал прислушиваться к себе. Ему казалось, что в его кишках завелись неведо-

мые смертоносные грибы и водоросли. Стояло октябрьское утро. Начинался один из тех дней, что трудно пережить даже такому человеку, как полковник, а уж сколько он их пережил! На протяжении пятидесяти шести лет, что прошли после гражданской войны, полковник только и делал, что ждал. Октябрь был в числе того немногого, чего он все-таки дождался.

Его жена откинула москитную сетку, когда он принес ей в спальню кофе. Она всю ночь мучилась от приступа астмы и до сих пор пребывала в полусонном состоянии, но все же потянулась за чашкой.

– А ты?

– Я уже пил, – солгал полковник. – Там еще целая столовая ложка оставалась.

Зазвонил колокол. Полковник спохватился, что совсем забыл про похороны. Пока жена пила кофе, он отцепил один из концов гамака, скатал его и убрал за дверь. Жена то и дело вспоминала покойника.

– Он родился в двадцать втором году, – говорила она. – Седьмого апреля, ровно через месяц после нашего.

Она отхлебывала кофе маленькими глотками в промежутках между судорожными вдохами. Ее тело, некогда гибкое, стало малоподвижным. Затрудненное дыхание не позволяло ей повышать голос, отчего все ее вопросы звучали как утверждения. Допив кофе, она все еще думала о покойнике.

– Ужасно быть похороненным в октябре, – сказала она.

Но муж пропустил ее слова мимо ушей. Он открыл окно. На дворе уже воцарился октябрь. Разглядывая буйную сочную зелень и следы дождевых червей в мокрой глине, полковник вновь всеми внутренностями ощутил зловещую, всепроникающую сырость.

– Продрог до костей, – сказал он.

– Что ты хочешь, сезон дождей, – отозвалась жена. – С тех пор как зарядили дожди, я не устаю твердить тебе, чтобы ты спал в носках.

– Я так и сплю, уже целую неделю.

– И так вот – всё, – прошептала она. – Мы гнием заживо. – Она зажмурилась, чтобы ничто не отвлекало ее от мыслей об умершем.

Накрапывал мелкий назойливый дождь. Полковник с удовольствием закутался бы сейчас в шерстяное одеяло и снова забрался в гамак, но надтреснутая бронза колокола настойчиво напоминала о похоронах.

– Да, октябрь, – прошептал он, отходя от окна. И только тут вспомнил о петухе, привязанном к ножке кровати. Это был бойцовый петух.

Полковник отнес чашку на кухню и завел в гостиной настенные часы в деревянном резном футляре. В отличие от спальни, чересчур тесной для астматички, гостиная была просторная, с четырьмя плетеными качалками вокруг покрытого скатертью стола, на котором восседал гипсовый кот. На стене, напротив часов, висела картина, изображавшая лодку

в зарослях тростника; в лодке сидела женщина, окруженная амурами и розами.

Когда он завел часы, стрелки показывали двадцать минут седьмого. Полковник отнес петуха на кухню, привязал его у очага, сменил в миске воду и высыпал туда пригоршню маиса. Через дыру в изгороди во двор проникли несколько ребятишек. Они сели вокруг петуха и молча стали его рассматривать.

– Хватит на него глазеть, – сказал полковник. – Петухам вредно, когда на них долго смотрят.

Дети застыли, по-прежнему не говоря ни слова. Потом один из них заиграл на губной гармошке модную песенку.

– Сегодня играть нельзя, – сказал полковник. – В городе покойник.

Мальчик спрятал гармошку в карман, а полковник пошел в комнату переодеться к похоронам. Приступ астмы помешал жене отгладить его белый костюм, и полковнику пришлось довольствоваться старым, из черного сукна, который после свадьбы он надевал лишь в особых случаях. Он с трудом отыскал его на дне сундука, где тот лежал завернутый в газеты и пересыпанный шариками нафталина. Жена вытянулась на постели, продолжая думать о покойнике.

– Сейчас он уже наверняка встретился с Агустином, – сказала она. – Только бы не рассказал ему, как туго приходится нам без него.

– По времени они должны бы уже обсуждать петухов, –

сказал полковник. Он нашел в сундуке огромный старый зонт. Жена выиграла его в лотерею, проводившуюся в пользу партии, к которой принадлежал полковник. В тот вечер они пошли на спектакль под открытым небом, который не стали отменять, несмотря на дождь. Полковник с женой и Агустинном – мальчику было тогда восемь лет – укрылись под зонтом и досмотрели спектакль до конца. Теперь Агустина нет в живых, а белую атласную подкладку зонта съела моль.

– Полюбуйся, что осталось от нашего клоунского зонта, – произнес полковник свою излюбленную фразу и раскрыл над головой нелепую конструкцию из металлических спиц. – Теперь он годится лишь для того, чтобы считать звезды. – Полковник улыбнулся. Но жена даже не посмотрела в его сторону.

Побрившись на ощупь, – зеркала у него давно не было, – полковник молча оделся.

Брюки, плотно, как кальсоны, облежавшие его ноги, застегивались на щиколотках и стягивались у талии двумя позолоченными пряжками. Ремня полковник не носил. Рубашка цвета старого порыжелого картона и сама твердая, как картон, застегивалась на медную пуговицу, державшую также и воротничок. Правда, воротничок порвался, и поэтому полковник решил обойтись без галстука.

Он готовился к выходу так, словно участвовал в каком-то особенном торжественном ритуале. Его костлявые руки, обтянутые прозрачной кожей, были усеяны коричневатыми

пятнами, равно как и шея. Прежде чем надеть лакированные ботинки, полковник соскреб грязь с рантов. Взглянув на него, жена вспомнила, что так же он был одет в день свадьбы. И только тут заметила, как сильно постарел ее муж.

– Какой ты нарядный. Можно подумать, случилось что-то особенное, – сказала она.

– Так и есть. За столько лет первый человек умер своей смертью.

Дождь прекратился после девяти. Полковник собрался было выходить, но жена придержала его за рукав.

– Причешись, – сказала она.

Он попробовал пригладить гребенкой свою жесткую стальную щетину, но из этого ничего не вышло.

– Наверно, я похож на попугая, – сказал он.

Жена внимательно осмотрела его. «Нет, – подумала она, – на попугая он не похож». Сухощавый, но крепко сбитый, он ничем не напоминал неподвижных, словно плавающих в формалине стариков, – его глаза были полны жизни.

– Все в порядке, – подтвердила она и, прежде чем полковник вышел из комнаты, добавила: – Кстати, спроси у доктора: его что, кипятком у нас ошпарили, что ли?

Они жили на окраине городка, в домике с крышей из пальмовых листьев и облупившимися стенами. Было по-прежнему сыро, но дождь прекратился. Полковник спустился к площади по переулку, где дома плотно лепились друг к другу. Свернув на центральную улицу, он вдруг почувствовал

озноб. Весь городок, насколько хватал взгляд, был устлан ковром из цветов. Женщины в черном поджидали траурную процессию у дверей домов. Полковник вышел на площадь, и тут опять заморосил дождь. Хозяин бильярдной увидел его от дверей своего заведения и, помахав рукой, закричал:

– Подождите, полковник, я дам вам зонт!

Полковник ответил, не повернув головы:

– Спасибо, не беспокойтесь.

Покойника еще не выносили. Мужчины в белых костюмах и черных галстуках стояли у дверей, раскрыв зонты. Кто-то из них заметил полковника, перепрыгивавшего через лужи на площади.

– Идите сюда, кум! – позвал он полковника и посторонился, освобождая ему место.

– Спасибо, кум, – ответил полковник, однако приглашением не воспользовался. Он хотел выразить соболезнование матери покойного и вошел в дом. И первое, что он заметил, это сильный запах разнообразных цветов. И сразу же ему стало невыносимо душно, и он попытался выбраться из толпы, запрудившей спальню. Но кто-то уперся рукой ему в спину и вновь втолкнул его обратно, в середину комнаты, мимо растерянных лиц, туда, где виднелись темные впадины высоко вырезанных ноздрей покойника.

У гроба сидела мать покойного, отгоняя мух веером, сплетенным из пальмовых листьев. Другие женщины, одетые в черное, смотрели на труп с таким выражением, с каким смот-

рят на течение реки. Неожиданно из глубины комнаты донесся голос. Полковник отодвинул какую-то женщину и, оказавшись рядом с матерью покойного, положил руку ей на плечо. Стиснул зубы.

– Мои глубокие соболезнования.

Не поднимая головы, она открыла рот и заголосила. Полковник вздрогнул. Он почувствовал, что бесформенная масса, разразившаяся жалобными причитаниями, толкает его на труп. Полковник пытался отыскать опору, но вместо стены наткнулся на тела других людей. Кто-то шепнул ему на ухо мягким, ласковым голосом:

– Осторожно, полковник.

Он обернулся, увидел покойника, но не узнал его: при жизни сильный и энергичный, а теперь весь в белом и с кларнетом в руках, он выглядел таким же растерянным, как полковник. Когда полковник поднял голову, чтобы глотнуть ртом немного воздуха, он увидел уже закрытый гроб – раскачиваясь, он плыл поверх голов в сторону двери, по волнам цветов, сплюсцивавшихся о стены. Полковник вспотел. У него заныли суставы. Через некоторое время он понял, что стоит на улице, потому что по векам у него заструился дождь. Кто-то схватил его за руку и сказал:

– Скорее, кум, я ждал вас.

Это был дон Сабас, крестный его умершего сына, единственный из руководителей его партии, кто избежал политических преследований и продолжал жить в городке.

– Спасибо, кум, – сказал полковник и молча зашагал под зонтом. Оркестр заиграл похоронный марш. Полковник заметил, что не хватает кларнета, и только тут до него впервые дошло, что покойник действительно умер.

– Бедняга, – прошептал он.

Дон Сабас откашлялся. Он держал зонт в левой руке, почти на уровне лица, так как ростом был гораздо ниже полковника. Похоронная процессия миновала площадь, и мужчины начали потихоньку разговаривать. Дон Сабас повернул к полковнику расстроенное лицо и спросил:

– Как там петух, кум?

– Все в полном порядке, – ответил полковник, и тут вдруг раздался крик:

– Куда это вы тащите покойника?

Полковник поднял глаза и увидел алькальда, застывшего на балконе казармы в позе оратора. Алькальд был в трусах и фланелевой рубашке, небритый и опухший. Музыканты перестали играть. И тут же до полковника долетел знакомый голос падре Анхеля, что-то кричавшего в ответ. Полковник напряженно вслушивался в разговор, который заглушался шумом дождя, стекавшего с зонтов.

– Что там? – спросил дон Сабас.

– Ничего, – ответил полковник. – Говорят, нельзя проносить покойников мимо полицейской казармы.

– Я совсем забыл! – вскричал дон Сабас. – Все время забываю, что у нас осадное положение.

– Но мы же не поднимаем восстание, – возразил полковник. – Мы просто прощаемся с бедным музыкантом.

Процессия двинулась в другую сторону. Женщины из бедных кварталов поначалу встретили ее молчанием и только кусали ногти. Но потом выскочили на середину улицы со словами похвалы, благодарности и прощания, словно верили, что усопший слышит их в своем гробу. На кладбище полковник почувствовал себя совсем плохо. Когда дон Сабас, подтолкнув его к стене, чтобы пропустить вперед могильщиков с гробом, обернулся к нему с улыбкой, он увидел, что лицо полковника окаменело.

– Что с вами, кум?

Полковник вздохнул.

– Октябрь пришел, кум.

Возвращались той же улицей. Дождя уже не было. Небо расчистилось, став глубоким, ярко-синим. «Вот и дождь закончился», – подумал полковник. Он чувствовал себя лучше, но все еще прислушивался к своим ощущениям. Дон Сабас вернул его к действительности.

– Вам надо сходить к врачу, кум.

– Я не болен, – возразил полковник. – Просто в октябре всегда чувствую себя так, будто кто-то гложет мои внутренности.

– А-а, – сказал дон Сабас. И простился с полковником на пороге своего нового дома – двухэтажного, с коваными решетками на окнах. А полковник поспешил к себе, мечтая

поскорее сбросить черный выходной костюм. И почти сразу снова вышел на улицу, чтобы купить в магазинчике на углу банку кофе и полфунта маиса для петуха.

* * *

Полковник занялся петухом, хотя по четвергам предпочитал лежать в гамаке. Дождь лил, не переставая, уже несколько дней. За прошедшую неделю таинственная растительность у него в животе сильно разрослась. По ночам он не мог уснуть – не давало свистящее дыхание жены. Но в пятницу под вечер октябрь сделал передышку, и товарищи Агустина – портные из мастерской, где он работал, и фанатики петушиных боев – воспользовались случаем и пришли посмотреть на петуха. Петух был в форме.

Когда гости ушли, полковник вернулся в комнату, где его ждала сгоравшая от любопытства жена.

– Ну, что они говорят? – спросила она.

– Все воодушевились, – сообщил полковник. – Собираются откладывать деньги, чтобы поставить на него.

– Не знаю, что они нашли в этой жуткой птице, – сказала жена. – Настоящая образина: голова слишком маленькая для таких ножищ.

– Они говорят, что это лучший петух в департаменте, – возразил полковник. – И стоит чуть ли не пятьдесят песо.

Он был уверен, что этот довод оправдывает его решение

сохранить петуха, доставшегося ему в наследство от сына, застреленного девять месяцев назад во время петушиного боя за распространение нелегальной литературы.

– И что дальше? – сказала жена. – Когда кончится маис, нам придется кормить его собственной печенью.

Полковник, рывшийся в шкафу в поисках своих полотняных брюк, надолго задумался.

– Осталось несколько месяцев, – наконец сказал он. – Уже точно известно, что бои будут в январе. Потом мы сможем продать его еще дороже.

Брюки были мятые. Жена разложила их на плите и стала гладить двумя паровыми утюгами.

– Что это тебе приспичило выходить на улицу? – спросила она.

– Почта...

– Я совсем забыла, что сегодня пятница, – проговорила она, возвращаясь в комнату. Теперь полковнику оставалось надеть только брюки. Она мельком взглянула на его ботинки.

– Их уже давно пора выкинуть. Ходи в лакированных.

Полковник помрачнел.

– Они выглядят как сиротские. Всякий раз, как я их надеваю, мне кажется, будто я сбежал из приюта.

– А мы и есть сироты после смерти Агустина, – сказала жена.

И снова убедила полковника. Он отправился в порт раньше, чем засигналили катера. В лакированных ботинках, бе-

лых брюках и рубашке без воротничка, застегнутой на медную пуговицу. За маневрами катеров он наблюдал от склада сирийца Моисея. Пассажиры, измученные восьмичасовым неподвижным сидением на борту суденышка, спускались на берег. Как обычно, это были бродячие торговцы, а также местные жители, по какой-то надобности покинувшие городок на прошлой неделе и теперь вернувшиеся в свою обычную жизнь.

Последним причалил почтовый катер. Полковник наблюдал за ним в тревожном ожидании. На палубе лежал почтовый мешок, привязанный к трубе и прикрытый куском брезента. Полковник сразу отыскал его взглядом. Пятнадцать лет ожидания обострили его интуицию. Петух обострил тревогу. С того момента, как на борт катера поднялся почтовый инспектор, полковник ни на мгновение не выпускал его из виду. Он следовал за инспектором по улице, параллельной порту, сквозь лабиринт складов и лавок, заваленных разноцветными товарами. Каждый раз, когда полковник совершал этот путь, он испытывал волнение – всегда особое, но непременно гнетущее, как страх.

Врач дожидался газет на почте.

– Жена просила узнать, доктор, не ошпарили ли вас кипятком в нашем доме? – осведомился полковник.

Врач был молодой брюнет с блестящими кудрявыми волосами, обладавший неправдоподобно безупречными зубами. Он стал расспрашивать о здоровье больной. Полковник

отвечал обстоятельно и в то же время не сводил глаз с почтового инспектора, который раскладывал корреспонденцию по ячейкам. Его неспешные движения выводили полковника из себя.

Врач получил корреспонденцию вместе с пакетом газет. Отложив в сторону проспекты и рекламы научных изданий, он быстро просмотрел частные письма. Инспектор между тем раздал корреспонденцию находившимся на почте. Полковник напряженно вгляделся в ячейку, где оставляли письма на его имя. Конверт «авиа» с синей каймой увеличил его волнение.

Врач сломал печать на пакете с газетами. Пока он просматривал самые важные сообщения, полковник не спускал глаз со своей ячейки, ожидая, что инспектор остановится возле нее, но тот не остановился. Врач оторвался от газеты, посмотрел на полковника, потом на инспектора, усевшегося перед телеграфным аппаратом, потом снова на инспектора. И сказал:

– Пойдемте.

Инспектор не поднял головы.

– Для полковника ничего, – сказал он.

Полковник смутился.

– Я ничего и не ждал, – солгал он и посмотрел на врача своим детским взглядом. – Мне никто не пишет.

Почти всю обратную дорогу они молчали. Врач листал на ходу газеты, а полковник шагал в обычной для себя манере,

напоминая человека, ищущего утерянную монету. Стоял ясный вечер. Миндальные деревья на площади роняли последние жухлые листья. Когда они подошли к дому, где принимал врач, уже начинало темнеть.

– Что нового? – спросил полковник.

Врач протянул ему несколько газет.

– Неизвестно, – сказал он. – Трудно вычитать что-нибудь между строк, пропущенных цензурой.

Полковник пробежал взглядом по заголовкам. Международные сообщения. Вверху четыре колонки, посвященные национализации Суэцкого канала. Первая полоса почти целиком занята извещениями о похоронах.

– На выборы надежды никакой? – спросил полковник.

– Не будьте наивным ребенком, полковник, – откликнулся врач. – Мы уже слишком взрослые, чтобы дожидаться Мессии.

Полковник хотел вернуть газеты, но врач сказал:

– Оставьте их у себя. Вечером прочитаете и завтра принесете.

В начале восьмого на башне зазвонили колокола киноцензуры. Падре Анхель, получавший по почте аннотированный указатель, использовал колокола, чтобы извещать паству о нравственном уровне фильмов. Жена полковника насчитала двенадцать ударов.

– Вредная для всех, – сказала она. – Уже почти год привозят картины, вредные для всех. – И, опустив москитную

сетку, прошептала: – Мир погряз в разврате.

Полковник не откликнулся. Перед тем как лечь, он привязал петуха к ножке кровати, запер двери дома и распылил в спальне средство от насекомых. Потом поставил лампу на пол, подвесил гамак и лег читать газеты.

Он читал их в хронологическом порядке, от первой страницы до последней, включая объявления. В одиннадцать горн возвестил наступление комендантского часа. Через полчаса полковник закончил чтение, открыл дверь во двор, окутанный непроницаемой тьмой, и помочился у опорного столба, преследуемый комарами. Когда он вернулся в комнату, жена еще не спала.

– О ветеранах ничего не пишут? – спросила она.

– Ничего, – сказал полковник, погасил лампу и улегся в гамак. – Раньше хотя бы печатали списки новых пенсионеров, но последние пять лет ничего не пишут.

Дождь начался после полуночи. Полковник задремал, но тут же проснулся от боли в желудке. Услышал, что где-то в доме капает. Завернувшись с головой в одеяло, он пытался определить, где именно. По спине пробежала струйка ледяного пота. У него был жар, и ему казалось, будто он плавает по кругу в каком-то студенистом болоте. Кто-то с ним разговаривал. А он отвечал, лежа на своей походной кровати революционера.

– С кем ты там разговариваешь? – спросила жена.

– С англичанином, который нарядился тигром и явился в

лагерь полковника Аурелиано Буэндиа, – ответил полковник и повернулся на другой бок; его сильно лихорадило. – Это был герцог Мальборо.

На следующее утро полковник проснулся, по-прежнему чувствуя себя отвратительно. Когда колокола зазвонили к мессе во второй раз, он вылез из гамака и шагнул в пред-рассветную мглу, прислушиваясь к пению петуха. Голова все еще кружилась; его тошнило. Полковник вышел во двор и направился к уборной сквозь смутные запахи сырости и приглушенные звуки, характерные для сезона дождей. Внутри деревянной будки с цинковой крышей резко пахло аммиаком. Полковник откинул крышку, и из ямы тучей взлетели треугольные мухи.

Тревога оказалась ложной. Сидя на корточках на помосте из неструганых досок, полковник испытывал разочарование. Позыв сменился глухой болью в кишечнике.

– Сомневаться не приходится, – пробормотал он. – В октябре со мной всегда так. – И застыл на месте, доверчиво дожидаясь, когда утихомятся грибы, разросшиеся у него в животе. Потом опять зашел в дом за петухом.

– Ночью ты снова метался в лихорадке, – сказала жена. Она начала наводить порядок в доме после недельного перерыва. Полковник силился вспомнить вчерашний день.

– Это не лихорадка, – солгал он. – Мне опять снилась па-утина.

Как всегда после приступа, к жене вернулась ее неумная

энергия. За утро она успела все перевернуть в доме вверх дном и переставить все вещи, за исключением часов и картины с нимфой. Она была настолько миниатюрной и гибкой, что, когда перемещалась по дому в своих вельветовых тапочках и глухом черном платье, то казалось, будто она наделена способностью проникать сквозь стены. Но ближе к полудню она вновь обрела свой обычный вид и вес. В кровати ее почти не было заметно. Однако теперь, двигаясь между горшками с папоротниками и бегониями, она наполняла своим присутствием весь дом.

– Если бы уже прошел год со дня смерти Агустина, я бы сейчас запела, – сказала она, помешивая ложкой в кастрюле, где варились нарезанные кусочками все разнообразнейшие плоды, какие только способна рождать эта тропическая земля.

– Если хочешь петь – пой, – сказал полковник. – Это полезно для желчного пузыря.

Врач пришел после обеда. Полковник с женой пили кофе на кухне, когда он распахнул входную дверь и крикнул:

– Ну что, больные, живы еще?

Полковник шагнул ему навстречу.

– Не радуйтесь, доктор. Я всегда говорил, что ваши часы спешат.

Женщина ушла в спальню готовиться к осмотру. Врач с полковником остались в гостиной. Несмотря на жару, полотняный костюм врача выглядел безупречно. Когда женщи-

на сообщила, что готова, врач встал и протянул полковнику конверт с несколькими листками, сказав при этом:

– Во вчерашних газетах об этом – ни слова.

Полковник так и предполагал. Это была сводка последних событий в стране, отпечатанная на mimeографе и предназначенная для нелегального распространения. Сообщения о вооруженном сопротивлении в центральных областях. Полковник был потрясен. Десять лет чтения запрещенной литературы так и не научили его тому, что самые поразительные новости еще впереди. Когда врач вернулся в гостиную, полковник уже все прочитал.

– Эта пациентка здоровее меня, – сказал врач. – С такой астмой я готов прожить сто лет.

Полковник хмуро посмотрел на него и, помолчав, протянул конверт, но врач его не принял.

– Передайте другим, – сказал он тихо.

Полковник убрал конверт в карман брюк.

– В один прекрасный день я умру, доктор, и захвачу вас с собой в ад, – сказала больная, вернувшись в гостиную. В ответ врач лишь молча продемонстрировал свои изумительные зубы и размашистым движением приставил к столу стул. Потом извлек из чемоданчика несколько пузырьков с бесплатными образцами новых лекарств. Женщина тем временем направилась на кухню.

– Подождите, я согрею вам кофе.

– Нет уж, большое спасибо, – сказал врач. – Я не позволю

вам отравить меня.

Женщина в кухне засмеялась. Закончив заполнять бланки, врач зачитал рецепт вслух, так как знал, что никто не сможет разобрать его почерк. Полковник изо всех сил старался сосредоточиться. Вернувшись в гостиную, женщина поняла по лицу мужа, что минувшая ночь не прошла для него бесследно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.